

Политическая стратегия России представляет собой поистине непаханое поле

А.И. Неклесса

Как я уже отметил в начале заседания, тема, которую мы сегодня разбираем, представляется мне весьма актуальной. Я бы обратил внимание на саму формулировку — «цивилизационные активы и цивилизационные рамки российской политики». И жаль, что разговор об актуальных политических аспектах темы оказался на втором плане. По ходу дискуссии данный аспект зачастую замещался обсуждением российской идентичности, но об этом мы достаточно много говорили и на прошлых заседаниях... Сегодня же было бы интересно рассмотреть как раз политические аспекты этого актива. Возможность использования цивилизационного ресурса, в том числе сложной цивилизационной картографии, в качестве инструмента при создании сложноорганизованной и эффективной внешнеполитической стратегии, как представляется, серьезно недооценивается. И совсем не случайно в начале дискуссии высказывались опасения по поводу нынешнего состояния и дальнейшего развития отношений с Грузией и Украиной.

Почему я считаю проблему актуальной? Я бы вычленил три момента. Во-первых, установление на планете нового миропорядка. С разной степенью оформленности утверждается сложная, неоднородная глобальная социальная и политическая композиция.

Второй момент — новая идентичность Европы. Это актуальный процесс, по отношению к которому мы не можем оставаться в стороне, иначе рискуем действительно остаться в стороне.

Наконец, третий элемент — политическая стратегия России, которая представляет собой поистине непаханое поле, а внешняя политика — просто зашла в тупик. Столь серьезные нестроения в ее проведении отчасти связаны с тем, что у нее отсутствует реальный интегрирующий фактор, а при подобном положении дел даже выигранные сражения могут оказаться поражениями. Так, если обратиться к историческому опыту России, то, к примеру, во времена войны 1812 г. с момента пересечения российской армией границ империи, выигранные сражения были поражениями для российской политики, реально усиливая ее стратегического противника того периода — Великобританию.

Что бы мне хотелось сказать по поводу цивилизационных рамок и цивилизационного ресурса. Я уже отметил во вступительном слове — это несовпадающие, но пересекающиеся социокультурные интеграторы. Это, конечно же, непростое положение дел, но мы не должны рассматривать данное обстоятельство исключительно как обременение. Думаю, если подойти к этому умело, то его можно использовать и как специфический ресурс. И, коль скоро, мы говорим о политике в категориях наличия у нее фундаментальных ресурсов, то, как это ни парадоксально при данных обстоятельствах, но чем больше у нас ресурсов (даже ставящих порою в сложное положение), тем дополнительные инструменты дают нам больше дополнительных возможностей, конечно, применительно к обстоятельствам и при наличии внутреннего стержня. В этом, собственно, и заключается функциональная сторона политики, особенно внешней.

Вспомним цитату из послания Павла: «С эллинами я был как эллин, с иудеями, как иудей». Можно сосчитать определенное количество не всегда совпадающих, иногда сильно не совпадающих, но, тем не менее, устойчивых, оригинальных, неискусственных цивилизационных ресурсов России.

Первый ресурс, который не прозвучал явно в разговоре о православной общности, — это христианство как таковое. Но именно этот ресурс связывает Россию с Европой, а Рос-

сия, полагаю, не может существовать, воздвигнув стену между собой и европейской цивилизацией.

Второй ресурс — это православное христианство, на чем, собственно, и был сделан акцент в докладе. Он также дает определенные возможности для взаимодействия, особенно в таких острых горячих точках, как Грузия, Украина и — в перспективе, учитывая некоторые наметившиеся трещинки, — в ситуации с Белоруссией.

Третий ресурс — евразийский капитал. Это огромный капитал России, который прямо сказывается в определенных ситуациях и, безусловно, является ее ресурсом. Страна должна умело с ним обращаться, используя его возможности при проведении внешней и внутренней политики.

Следующая социокультурная позиция — славянская историческая общность, и здесь видны не только восточноевропейские перспективы, но также связи с южнославянским сообществом.

Цивилизационных, историко-культурных ресурсов, на самом деле, у России много. В том числе — ее имперское наследие, опыт сочетания тех самых «русских стран» в социальное, экономическое и политическое сообщество. История здесь позволяет искать не только основания для специфических идиосинкразий памяти, но позволяет отыскивать общие векторы в отношениях с Польшей, Финляндией, постсоветскими государствами. Конечно, при весьма квалифицированном прочтении подобных векторов, избегая повторения печальной судьбы проекта СССР и СНГ.

Однако и опыт совместного проживания в границах Российской империи и в рамках СССР точно так же оставил определенную психологическую общность, выходящую за пределы теневых сторон подобного общежития и связанного с ним негативного опыта, что, впрочем, и проявляется в соответствующей ментальности.

Можно перечислять и дальше. Здесь и социалистический опыт — советский — тоже своего рода ресурс, учитывая го-

ризонты идей солидарности и тяги человека к освобождению от различного рода господств.

Так же и ислам, тут можно приводить конкретные примеры — скажем, возможности, проистекающие из участия в Исламской конференции.

Вообще говоря, мы ведем речь об основаниях стратегического курса страны, естественно, не ограничивая его инструментальным подходом; но рассуждения о подобном подходе, равно как и обсуждение возникающих при этом политических технологий — были бы сегодня желательны и уместны. Это действительно серьезный ресурс для выстраивания стратегии нового государства, т. е. России в формате РФ.

И еще один case приведу в заключение. Он не суммирующий, а показывающий возможность различного прочтения действительности с точки зрения практики. Мы знаем трагическую историю Балкан в конце XX в., в том числе хронику острого противоборства между Сербией и Хорватией, между православной и католической общностью. Тем более знаменательны нюансы, возникающие при строительстве новой Европы. Дело в том, что новые члены Объединенной Европы проявляют некоторую культурную претензию, которая неожиданно объединила представителей данной генерации европейского сообщества. В культурном тексте Западной Европы они ощутили свое «общее своеобразие», почувствовали, что обладают определенным культурным капиталом, который их не разъединяет, а объединяет.

Но я, кажется, исчерпал свой лимит времени и засим передаю слово докладчику для заключительного выступления.

С.С. Сулакшин:

Позвольте сделать небольшое замечание. Ваш тезис — «общее христианство для Европы и России — это фактор сближения». Но если заглянуть глубже, то католическая и православная детализация не превращает ли этот фактор общности, наоборот, в барьер и фактор непреодолимости?

А.И. Неклесса:

Конечно, детализация ведет к определенным разногласиям. Но я смотрю на те аспекты, которые объединяют, позволяют выстраивать мост с Европой, потому что мы — члены единой цивилизации вместе с Западной Европой.

С.С. Сулакшин:

Не наоборот ли? Мне кажется, что европейский католицизм с исламом скорее найдет точки соприкосновения.

А.И. Неклесса:

Вот европейская политика может найти, особенно в свете новой европейской ситуации, ищущей пути сближения на основе евроислама, а католицизм как раз не найдет.

